

«Демоническое» в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова

Л. В. Попова

(Московский гуманитарный университет, Государственный институт искусствознания)

В статье исследуется тема демонического в творчестве русского художника, живописца В. Э. Борисова-Мусатова, представителя культуры Серебряного века. Актуальность исследования обусловлена тем, что «демоническое» есть один из концептов мировой культуры, ярко выразившийся в эпоху Серебряного века. При этом в искусствознании феномену демонического в творчестве Борисова-Мусатова не уделялось достаточного внимания.

Лежащий в основе исследования метод психоанализа, а именно учение К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, позволяет рассматривать демоническое как человеческого двойника.

Демоническое в русской художественной культуре имеет западноевропейскую античную традицию. В древнегреческой традиции Демон связан с душой. Демон — некий двойник человека. Именно он, когда человек умирает, провожает его душу в Аид. Отбыв там нужный срок, душа возвращается на землю под предводительством другого демона.

Вектор развития «демонического» в культуре Серебряного века задает художник М. А. Врубель. Поэтому в статье уделяется большое внимание влиянию М. А. Врубеля на творчество В. Э. Борисова-Мусатова. Если у первого «демоническое» андрогинно, то у второго — нечто ускользающее, с трудом поддающееся анализу. Демоны Борисова-Мусатова, с одной стороны, близки к «даймонам» Сократа. С другой стороны, демоническое наиболее ярко представлено у него в женских образах. Автор данного исследования пытается объяснить его с помощью противопоставления «светлого и темного», «земного и небесного». В данном противостоянии сильно влияние литературы неоромантизма и философии Ф. Ницше.

Ключевые слова: В. Э. Борисов-Мусатов, М. А. Врубель, Серебряный век, русское художественное искусство, демоническое, демонизм, дионисизм, символизм.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования продиктована тем, что в настоящее время наблюдается интерес к эпохе Серебряного века русской культуры как среди академического сообщества, так и среди зарубежных авторов. Публикуются новые архивные источники, что сопровождается появлением новых интерпретаций и выявлением новых концептов культуры. «Демоническое» есть один их концептов культуры Серебряного века. Творчество русского художника, живописца В. Э. Борисова-Мусатова (1870–1905) относится к этому периоду.

Понятия «демоническое», «демонизм» чаще всего воспринимаются с негативным оттенком, в том числе благодаря религиозным стереотипам. В обществе сильно влияние религиозных стереотипов. Однако этот термин многозначен и имеет множество оттенков. В русской философской мысли, в искусстве, художественной культуре отношение к «демоническому», как к понятию, так и к явлению, также было разным, особенно в эпоху Серебряного века. Оно остается неоднозначным и в XXI в., тем более что демонические образы, пережив различные трансформации, функционируют и сейчас.

ИЗУЧЕНИЕ «ДЕМОНИЧЕСКОГО»

Работы, посвященные проблематике «демонического» в русской культуре Серебряного века, можно разделить на три группы. Прежде всего, следует отметить взгляды русских религиозных философов — П. Флоренского, И. Ильина, В. Соловьева, где понятие «демоническое» рассматривается как противоречащее христианской идеологии. Вторая группа работ — исследования современных ученых, изучающих гностические традиции в творчестве поэтов и писателей Серебряного века, — А. Ханзен-Леве, С. А. Слободнюка. Третья группа исследователей, базируясь на исследованиях Вяч. Иванова, указывает на связь «демонического» с дионисийским, — В. Н. Топоров, К. Г. Исупов, В. Н. Ильин.

Особую значимость в понимании «демонического» представляют работы Н. В. Скородума, среди них «Гете и Шопенгауэр о природе демонического начала», где «демоническое» представлено как позитивное, как творческая сила, как творческое бессознательное (Скородум, 2009).

Феномен «демонического» как «двойника» изложен в трудах М. Ямпольского «Демон и лабиринт» (Ямпольский, 1996) и во многих трудах В. К. Кантора, в том числе «Русская классика, или Бытие России» (Кантор, 2005).

При всей значимости вышеуказанные труды затрагивают по отдельности культурологические, филологические, философско-эстетические проблемы и не дают нам целостного понимания «демонического» в художественной культуре Серебряного века. Также не уделяется должного внимания «демоническому» в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова.

«ДЕМОНИЧЕСКОЕ» И ПСИХОАНАЛИЗ

Цель нашего исследования заключается в осмыслении «демонического», его феноменов в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова.

В качестве задачи исследования выступают: изучение генезиса «демонического» в русской художественной культуре; изучение творчества В. Борисова-Мусатова в

контексте культуры Серебряного века; изучение демонических мотивов в творчестве В. Борисова-Мусатова; изучение связи творчества В. Борисова-Мусатова с творчеством М. А. Врубеля; изучение связи творчества В. Борисова-Мусатова с неоромантизмом в литературе и искусстве; выявление связи «демонического» с творческим бессознательным, его интуитивной, сверхчувственной природы.

В основу изучения «демонического» как творческого бессознательного положено учение К. Г. Юнга об архетипах «коллективного бессознательного» (Юнг, 2006). Учение Юнга об *Аниме (Анимус)* и *Тени* выбрано в качестве приема для анализа «демонического». В связи с комплексным подходом к феномену «демонического» используются методы: психоанализ, образно-мифологический подход, герменевтический метод, интертекстуальный метод, сравнительно-исторический метод.

В русском искусстве Серебряного века ярчайшим воплощением «демонического» явились образы «Демонов» М. А. Врубеля. Лица «Демонов» Врубеля — застывшие маски, символы. По мнению Д. В. Сарабьянова, это означает остановку, паузу: «Демон замер в позе ожидания и созерцания. Это состояние неподвижности может продлиться долго (если не вечно)» (Сарабьянов, 1993: 54). Этот «знак», символ получил свое развитие в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова. Символическое, по мнению В. В. Ильина и И. О. Куренкова, есть «подлинная субстанция человеческого, которое не имеет шансов самозаявления вне обработки, переработки, наработки символической формации» (Ильин, Куренков, 2012: 127).

И Врубель, и Борисов-Мусатов использовали часто в качестве образца фотографию. Для Врубеля фотоснимок был лишь сюжетом, толчком к самостоятельному творчеству. Борисов-Мусатов сознательно фотографировал пейзажи, усадьбы, персонажей.

Фотография — искусство, останавливающее момент, мгновение. Остановка мгновения есть остановка жизни. Более поздние картины Борисова-Мусатова являют нам не живых людей, а «призраков» («Призраки», 1903; «Реквием», 1905). Этот символ появляется в Борисова-Мусатова, который учился сначала у саратовского художника В. Коновалова, затем — у французских импрессионистов и символистов. Но для того чтобы разобраться с пониманием «демонического» В. Борисова-Мусатова, обратимся к истокам понятия «демонического» в европейской культуре, которые коренятся в античной Греции.

ИСТОКИ «ДЕМОНИЧЕСКОГО» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В древнегреческой традиции Демон связан с душой. Демоны занимают промежуточное место между божественными и земными космическими телами. Платон в диалоге «Пир» повествует о том, что они являются посредниками между богами и людьми. Благодаря демонам возможны прорицания и жреческое искусство, таинства, заклинания, чародейства (Платон, 1993: 113). Демон — некий двойник человека. Именно он, когда человек умирает, провожает его душу в Аид. Отбыв там нужный срок, душа возвращается на землю под предводительством другого демона. Демон Сократа — некий внутренний голос: «Началось у меня это с детства: вдруг какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет...» (Платон, 1990: 85). Следовательно, демон не может навязывать свою волю человеку. Решение принимает разумная его часть — душа, а демон — лишь ее двойник.

Европейская культура объединяет в себе античную традицию и христианство. При этом утрачивается единство гармонии античной Греции, поскольку через иудео-христианскую традицию европейское сознание впитывает в себя иранский дуализм.

Христианский дуализм «Христос — Дьявол» достигает своего апогея в Средние века. Христос олицетворяет собой Свет, Добро. Сатана (Дьявол) — олицетворение тьмы, Зла. Сатану в Средние века называют также Демоном, бесом, так как, с точки зрения христиан, все языческие боги были бесами.

*«ДЕМОНИЧЕСКОЕ» В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
И ТВОРЧЕСТВЕ В. Э. БОРИСОВА-МУСАТОВА*

В культуре Серебряного века пересматривается понятие «демонического». В этом сильно влияние Ф. Ницше. По его мнению, «у всех продуктивных людей именно инстинкт и представляет творчески-утвердительную силу» (Ницше, 1990: 108). У Сократа, по мнению Ницше, «инстинкт становится критиком, а сознание творцом» (там же). Искусство, в представлении Ницше, — синтез двух начал: аполлонического и дионисийского. Аполлон — бог света, Солнца, гармонии, искусства в целом. Дионис — бог вина, веселья, эйфории. Дионисийское значит импульсивное, необузданное, связанное со стихией, иначе говоря — «демоническое».

В. Иванов, развивая положения Ницше о дионисийском и аполлоническом началах, представляет Аполлона богом строя и меры, порядка и гармонии, Диониса — «варварским богом темных переживаний и неустroенных движений души» (Иванов, 1905b: 126).

«Дионисийское» сродни «демоническому». Участников шествий Диониса и называли «демонами винных выжимок» (Иванов, 1905a: 203), что означало виноградарей, вымазавшихся красным осадком виноградного сока. Они уподоблялись Титанам, растерзавшим Диониса. Связь Диониса с Персефоной роднит его также с демонами, указывает на связь с загробным миром.

В переосмысливание понятия «демоническое» внес огромный вклад М. А. Врубель (Попова, 2013). Для Врубеля Демон «значит “душа” и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа...» (Врубель ... , 1963: 304).

Демонические мотивы проявились у Борисова-Мусатова в 1894 г., когда умер его отец. У него есть рисунок гуашью «Духи, похищающие душу», написанный в размытых сиреневых-лиловых тонах, где на первом плане крылатая фигура духа держит в руках умершую душу. К. В. Шилов отмечает, что «в бело-синих разводах крыльев “главного духа”, в демоническом изображении другого, подлетающего, и можно усмотреть нечто отдаленно врубелевское, то в безжизненно обвисшей, обнаженной девушке, подхваченной духом, — скорее что-то от коноваловских “трупов”» (Шилов, 2000: 121). При этом, отмечает Шилов, черный профиль «духа» похож на покойного отца художника (там же).

Демоны В. Э. Борисова-Мусатова близки греческим даймонам, провожающим душу в Аид. У Врубеля — это «дух, соединяющий мужской и женский образ» (Врубель ... , 1963: 140). У Борисова-Мусатова Демон проявляется как двойник человека. Особенно ярко это проявилось в предсмертной картине «Реквием» (1905). Она была написана в память о Надежде Юрьевне Станюкович, жене Владимира Станюковича. Многочисленные женские образы Станюкович, представленные на картине, являют ее двойников, добрых и злых.

Противостояние двух женских начал — светлого и темного, земного и небесного видится и в графической композиции «Встреча у колонны» (1901–1903), где изобраа-

жены две женские фигуры. Картина явилась отголоском душевной коллизии чувств Мусатова к Анне Воротынской и Ольге Корнеевой (см.: Шилов, 2000: 250). Во взгляде дамы в темном проблескивает что-то «демоническое». «Демоническое» в женщине увидели еще французские романтики. Ярчайшее воплощение это получило у Проспера Мерима в «Кармен». В эпоху неоромантизма ярко проявилось в образе Эдварды, героини романа «Пан» (1894). Противоположностью Эдварды является Ева. Главный герой, Свен Глан, разрывается между двумя возлюбленными: «...Ева, больше всего я люблю тебя. Разве можно любить грезу?» Еве недаром дано такое имя, она является собой земную привязанность Эдварда — недостижимую мечту. В русской классике, особенно у Ф. Сологуба, прослеживается противопоставление женских образов «Ева — Лилит». Примером могут служить его пьесы, например «Заложники жизни» (1910), рассказы. У Сологуба происходит реабилитация Лилит, которая, по преданию, была злым демоном. Образ Лилит связан с культом Луны, а следовательно, и с тьмой. В рассказе «Звериный быт» мы встречаем: «Кто-то злой и порочный, кто-то из потомков страстной, земной Евы, придумал сказать про нежную Лилит, что она — злая и порочная, что она — первая колдунья и мать всех злых чародей и ведьм. Услада горьких одиночеств, щедрая подательница нежных мечтаний, сладчайшая утешительница Лилит! У тебя есть чары и тайны, но очарования твои благи и тайны твои святы».

У Борисова-Мусатова были свои Ева и Лилит: Елена Александрова и Надежда Станюкович. «Демоническое» воплотил в женских образах и Врубель в панно «Испания» (1894), «Гадалка» (1895).

Подобно Врубелю, Борисов-Мусатов был знаком с Н. Н. Ге. Встреча произошла в 1893 г. Под влиянием картины последнего «Христос в Гефсиманском саду», под впечатлением от чтения книги Фаррара «Жизнь Иисуса» Борисов-Мусатов написал эскиз под названием «Христос в Гефсимании». Это была одна из намеченных тем у Мусатова (там же: 111), самой же картины на эту тему он не написал. Вероятно, было много причин: в 1894 г. — смерть отца, в 1895 г. художник уехал в Париж, после чего его мировоззрение изменилось. В письме Лушникову в 1901 г. он пишет о Д. Мережковском, что «с тех пор, как прочел “Богов” (“Белая Дьяволица”), Дионис — мой Бог. Прочти его же “Смерть богов” и “Дафнис и Хлоя” Лонгуса. Это целый мир — наш мир. Из-за этого можно быть язычником» (цит. по: там же: 291–292). Книга «Дафнис и Хлоя» имела на Мусатова огромное влияние. Он устраивал в Черемшанах праздник «зеленого маскарада» с «опахалами» из дубовых листьев. Сохранились снимки 1903 г., где Владимир Станюкович одет в женское платье.

Дионисизм — связь с миром природы, буйство, экстаз. Получили свое дальнейшее развитие мифы о Дионисе и его спутнике Пане. Как спутник Диониса, Пан тоже имеет демоническое начало. Огромное влияние на Борисова-Мусатова оказал Врубель своей картиной «Пан» (1899) (там же: 356). В греческой мифологии Пан — фантастическое божество, связанное с природой, любитель вина, частый спутник Диониса, покровитель пастушеской жизни и животноводства, любитель любовных приключений.

Гимном природе, богу Пану явилась картина Борисова-Мусатова «Дафнис и Хлоя» (1901). Обнаженные Дафнис и Хлоя возносят хвалу солнцу, их руки воздеты вверх. Герои изображены на фоне природы, за спинами у них — стадо молодых барашков. Все это — дань богу Пану. Обнаженные фигуры Дафниса и Хлои напоминают фигуру с панно Врубеля «Утро», символизирующую «Солнечный луч».

Данью богу Пану был и праздник «зеленого маскарада», устраиваемый Борисовым-Мусатовым.

Призрачную, уходящую красоту воплотил Борисов-Мусатов в картине «Призраки» (1903). Связана она прежде всего с именем Голицыных-Прозоровских в селе Зубриловка, находившемся на стыке Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний. Для неоромантизма конца XIX — начала XX в. характерно возрождение традиций готического романа. Готический роман зародился в рыцарской культуре XVIII в. с ориентацией на рыцарский роман и роман барокко. Действие в готическом романе происходило в старых замках или некотором заброшенном месте, где действуют потусторонние силы, живые мертвецы, неупокоенная душа. Наиболее яркое воплощение готический роман получил в творчестве В. Скотта. В период модерна в этом жанре пишут Э. По, О. Уайльд («Кентервильское привидение», 1887), Р. Л. Стивенсон («Доктор Джекил и Мистер Хайд», 1886). Под влиянием готического романа появляется «Дракула» Б. Стокера (1897) о предводителе вампиров, аристократе, графе Дракуле.

Летом 1901 г. Борисов-Мусатов приехал в Зубриловку. Дом-дворец в Зубриловке со своей историей, с портретной галереей образов владельцев замка и был таинственным замком. Мусатов писал о Зубриловке: «Эти призрачные, фиолетовые тона, грустная, умирающая зелень, солнечный свет, слабо на всем серебриющийся, как последнее пожатие руки умирающему, навевает какую-то тихую грусть и тоску, и грезятся бледные призраки туманного романтизма...» (цит. по: там же: 251).

Именно здесь однажды в ненастный осенний вечер, возвращаясь с этюда, он шел мимо старого дворца. Луч солнца сверкнул по вершине фасада. «Старый, молчаливый замок словно вырос. И все вокруг этого отжившего дома, и сам он приобрели совершенно иной, нереальный вид» (там же). Мусатов решил пройти по парку ночью, под завывание осеннего ветра, стук капли, шорохи, шум веток, напоминающий стук костей (нужно было пройти мимо кладбища). «И вот двинулась ночная тень...» (там же: 252). Она родилась из морока, из тумана. «И двинулись вместе с ней светлые, полупрозрачные фигуры в развевающихся длинных одеяниях, ступили на скошенную рыжую траву, вдруг поползшую змеиными извивами» (там же).

Здесь же в усадьбе набросал Борисов-Мусатов эскиз «Призраков». Над картиной он работал вплоть до лета 1903 г. И словно ожили призраки: стали похожими на привидения белые статуи парадного входа. Дворец на картине «вытянулся», словно вырос, как когда-то рассказывал друзьям Мусатов о своем видении. Одинокая женская фигура стоит в центре картины. Белая шаль, накинутая на плечи, делает ее похожей на призрак. Слева лишь шлейф платья удаляющейся женской фигуры. Мусатов специально делает тона размытыми для придания эффекта «призрачности».

Дворец и в самом деле стал «призраком». В 1905 г. Зубриловка стала одним из центров крестьянских волнений. Дворец с коллекциями, портретной галереей был уничтожен и сожжен. Призраком была не только Зубриловка. Призраком стала вся Россия.

Картина Борисова-Мусатова «Реквием» (1905) в память о Н. Ю. Станюкович стала реквиемом по самому художнику. Со смертью Станюкович он лишился одной из своих муз. «Как-то крылья опустились», — высказался он однажды...» (там же: 385). Надежда Станюкович умерла 21 августа 1905 г. Через три месяца, 26 октября (8 ноября) умирает Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. А 19 октября, незадолго до его смерти, была сожжена Зубриловка.

В одной из последних картин «Осенняя песнь» (1905) Мусатов воспевает русскую природу, словно отдавая долг богу Пану. У водоема склонились одетые в пурпур березы, под голубым небом, в размытых тонах, — русское поле, словно усеянное «призраками».

В этом обожествлении природы, пантеизме, отражено настроение художников того времени. Упоение природой давало ощущение радости, молодости, что было свойственно древним грекам. Обращение к античности, как к истоку художественного творчества, возвело на пьедестал нового бога — Диониса. Теперь он становится верховным божеством, которому поклоняются художники, поэты, а остальные боги — лишь его маски. Дионис имеет «демоническую» природу. Искусство Серебряного века — демоническое искусство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, демоническое в русской художественной культуре Серебряного века имеет глубокие корни в античной традиции Древней Греции и других народов. Тема перерабатывалась философами Античности, в том числе Сократом, Платоном. Философия Ф. Ницше повлияла на развитие русской художественной культуры Серебряного века, а именно на творчество Вяч. Иванова и М. А. Врубеля, которые задали дальнейший вектор развития культуры.

Демоническое есть творческое бессознательное и выступает как разновидность коллективного бессознательного. Демоническое творческое позитивно, конструктивно, сакрально. Профанация демонического ведет к деконструкции. Демонические образы позволяют проследить соотношение сакрального и профанного в русской художественной культуре. Из «падшего ангела» Демон превращается в «страдающего Диониса». Демон — есть некая внутренняя сила, инстинкт, «двойник» художника. Он представляет собой творческую сакральную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике (1963) / сост. и коммент. Э. П. Гомберг-Вержбинской и Ю. Н. Подкопаевой. А. ; М. : Искусство. 362 с.
- Иванов, В. И. (1905a) Религія Діоніса. Главы I–III // Вопросы жизни. № 6. С. 185–220.
- Иванов, В. И. (1905b) Религія Діоніса. Главы IV–V // Вопросы жизни. № 7. С. 122–148.
- Ильин, В. В., Куренков, И. О. (2012) К понятию символа // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 126–131.
- Кантор, В. К. (2005) Русская классика, или Бытие России. М. : РОССПЭН. 768 с.
- Ницше, Ф. (1990) Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. 829 с. С. 47–157.
- Платон. (1990) Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль. Т. 1. 860 с.
- Платон. (1993) Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль. Т. 2. 528 с.
- Попова, Л. В. (2013) «Демоническое» в творчестве М. А. Врубеля // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 278–282.
- Сарабянов, Д. В. (1993) История русского искусства конца XIX — начала XX века. М. : Изд-во МГУ. 320 с.
- Скородум, Н. В. (2009) Гете и Шопенгауэр о природе демонического начала // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия : сб. материалов Второй международной научной конференции / под. ред. С. В. Пахомова. СПб. : РХГА. 338 с. С. 256–266.
- Шилов, К. В. (2000) Борисов-Мусатов. М. : Молодая гвардия. 406 с.
- Юнг, К. Г. (2006) Человек и его символы. М. : Серебряные нити ; Медков С. Б. 352 с.
- Ямпольский, М. (1996) Демон и лабиринт. М. : Новое литературное обозрение. 336 с.

Дата поступления: 25.05.2014 г.

THE "DEMONIC" IN THE WORKS
OF V.E. BORISOV-MUSATOV

L. V. POPOVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, STATE INSTITUTE FOR ART STUDIES)

The article looks at the subject of the demonic in the works of Victor E. Borisov-Musatov, Russian painter of the "Silver age". The «demonic» as a concept of world culture have found a powerful expression during the "Silver age". At the same time, the demonic in Borisov-Musatov's works has not yet become an object of critical attention.

Following the psychoanalytical method of criticism, namely Carl G. Jung's doctrine about archetypes of the collective unconscious, we view the demonic as the human double.

The demonic in the Russian art can also be traced back to the Western tradition of the antiquity. In the ancient Greek tradition the Demon is connected with the soul, thus becoming a kind of double of the human. When the person dies, it is the Demon who follows his soul to Hades. Having served the necessary term there, the soul returns to earth, being led by yet another demon.

The vector of development of the «demonic» in the artistic culture of the "Silver age" was set by Mikhail A. Vrubel. Therefore, we pay ample attention to Vrubel's influence on Borisov-Musatov. The former presents the «demonic» as androgynous, whereas the latter, as something elusive, hardly susceptible to analysis. On the one hand, Borisov-Musatov's demons are close to Socrates's daimones. On the other, he most vividly presents the demonic in female images. We have attempted to explain it by means of opposition between the «light and dark», the «terrestrial and heavenly». These oppositions have been heavily influenced by neo-romanticism and F. Nietzsche's philosophy.

Keywords: V. E. Borisov-Musatov, M. A. Vrubel, Silver age, Russian art, demonic, demonism, Dionisizm, symbolism.

REFERENCES

Vrubel'. *Perepiska. Vospominaniia o khudozhnike* [Vrubel. Correspondence. Memoirs about the Artist] (1963) / comp. and comment. by E. P. Gomberg-Verzhbinskaya and Yu. N. Podkopaeva. Leningrad ; Moscow, Iskusstvo Publ. 362 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1905a) Religia Dionisa. Glavy I–III. [The Religion of Dionysos. Vol. I–III]. *Voprosy zhizni*, no. 6, pp. 185–220. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1905b) Religia Dionisa. Glavi IV–V [The Religion of Dionysos. Vol. IV–V]. *Voprosy zhizni*, no. 7, pp. 122–148. (In Russ.).

Ilyin, V. V. and Kurenkov, I. O. (2012) K poniatii simvola [To the Concept of Symbol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 126–131. (In Russ.).

Kantor, V. K. (2005) *Russkaia klassika, ili bytie Rossii* [The Russian Classics, or the Being of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ. 768 p. (In Russ.).

Nietzsche, F. (1990) *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo I pessimizm* [The Birth of Tragedy, Or: Hellenism and Pessimism]. In: Nietzsche, F. *Sochineniia* [Works] : in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ. 829 p. Pp. 47–157. (In Russ.).

Plato. (1990) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 4 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 1. 860 p. (In Russ.).

Plato. (1993) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 4 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 2. 528 p. (In Russ.).

Popova, L. V. (2013) «Demonicheskoe» v tvorchestve M.A. Vrubelia [The "Demonic" in M. A. Vrubel's Oeuvre]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 278–282. (In Russ.).

Sarab'ianov, D. V. (1993) *Istoriia russkogo iskusstva kontsa XIX — nachala XX veka* [The History of the Russian Art of the Late 19th — Early 20th Century]. Moscow, Moscow State University Press. 320 p. (In Russ.).

Skorodum, N. V. (2009) Gete i Shopengauer o prirode demonicheskogo nachala [Goethe and Schopenhauer on the Nature of the Demonic Element]. In: *Mistiko-ezotericheskie dvizheniia v teorii i praktike. Istoriia. Psikhologiya. Filosofiia* [Mystical and Esoteric Movements in Theory and

Practice. History. Psychology. Philosophy] : Proceedings of the 2nd International Research Conference] / ed. by S. V. Pakhomov. St. Petersburg : Russian Christian Academy for the Humanities Press. 338 p. Pp. 256–266. (In Russ.).

Shilov, K. V. (2000) *Borisov-Musatov* [Borisov-Musatov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ. 460 p. (In Russ.).

Jung, C. G. (2006) *Chelovek i ego simvol* [Man and His Symbols]. Moscow, Serebrianye niti Publ., S. B. Medkov's Publ. 352 p. (In Russ.).

Yampolsky, M. (1996) *Demon i labyrinth* [The Demon and the Labyrinth]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 336 p. (In Russ.).

Submission date: 25.05.2014.

Попова Лиана Владимировна — преподаватель кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета; аспирант Государственного института искусствознания. Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-61-81. Эл. адрес: pliana@mail.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук, канд. филол. наук, проф. И. В. Кондаков.

Popova Liana Vladimirovna, Lecturer, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities; Postgraduate student, State Institute for Art Studies. Postal address: Bldg. 3, 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-61-81. E-mail: pliana@mail.ru. Research advisor: I. V. Kondakov, Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor.